Анализ имён персонажей в романе Н. В. Гоголя Мёртвые души

Milovina, Antonio

Undergraduate thesis / Završni rad

2019

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:012640

Rights / Prava: In copyright / Zaštićeno autorskim pravom.

Download date / Datum preuzimanja: **2024-03-29**

Filozofski fakultet
Sveučilišta u Zagrebu

Repository / Repozitorij:

ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences

zir.nsk.hr

dabar
DIGITALNI AKADEMSKI ARHIVI I REPOZITORIJI

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti
Katedra za rusku književnost

Završni rad

АНАЛИЗ ИМЁН ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Н. В. ГОГОЛЯ *МЁРТВЫЕ ДУШИ*

Student: Antonio Milovina
Mentor: dr. sc. Jasmina Vojvodić, red. prof.
Ak. god.: 2018./2019.

Dubrovnik, 29. srpnja 2019.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti
Katedra za rusku književnost

Završni rad

ANALYSIS OF CHARACTER NAMES IN NOVEL *DEAD SOULS* BY N. V. GOGOL

Student: Antonio Milovina
Mentor: dr. sc. Jasmina Vojvodić, red. prof.
Ak. god.: 2018./2019.

Dubrovnik, 29. srpnja 2019.

Содержание

1. Введение 1
2. Литературная ономастика 1
3. Роль имён собственных в художественной литературе 2
4. Гоголевские имена....3
5. Анализ имён персонажей в *Мёртвых душах*....4
5.1. «Заумные имена» в *Мёртвых душах*....6
5.2. Приём «экспрессивного умножения» 6
5.2.1. «Удвоенные имена» в *Мёртвых душах*....7
5.3. Главный герой и его имя 8
5.4. Крепостное право через призму имён....10
5.5. Жизнь и смерть на бумаге 12
6. Заключение 14
7. Список источников и литературы....15
8. Sažetak....17
9. Kratki životopis 18

1. Введение

В данной работе будут представлены особенности имён персонажей в творчестве Н. В. Гоголя на примере его самого обширного произведения – романа, или по словам Гоголя – поэмы, *Мёртвые души*. Сначала познакомимся с общими сведениями об ономастике, т.е. с её отдельной частью, касающейся литературы, поэтонимологии, при чём в основном будем ссылаться на работы В. М. Калинкина. Потом коротко обсудим роль имён персонажей в литературном произведении вообще и, следовательно, в художественном мире гоголевских произведений. В основной части будет представлен анализ имён персонажей в поэме *Мёртвые души*. При проведении анализа будем ссылаться на работы нескольких исследователей, прежде всего Б. М. Эйхенбаума, Ю. В. Кондаковой и Н. Г. Наумовой. Рассмотрим имена персонажей на несколько уровней – звуковом, содержательном, символическом.

2. Литературная ономастика

Начало интереса к собственным именам, точнее онимам,[1] можно отнести к глубокой древности. Идея о использовании имён как поэтических средствах появляется ещё в античные времена, о чём обсуждается в философских трактатах, каким, например, является диалог *Кратил* Платона (Калинкин 2016: 19). В 1930 г., во время Первого Международного ономастического конгресса, ономастика была оформлена как отдельная лингвистическая, т.е. лексикологическая дисциплина (там же: 18). Следовательно, дифференциация ономастики привела к оформлению разных отраслей науки о собственных именах, в том числе и литературной ономастики, т.е. поэтонимологии[2].

Среди русских исследователей, собственными именами в рамках литературного произведения впервые начали заниматься литературные критики, ещё перед тем, как появился термин «ономастика» (Ковалёв 2016: 19). Из этих работ можно выделить статьи В. Г. Белинского, который занимался собственными именами в творчестве Гоголя (Белинский 1948), В. И. Чернышева и анонимную статью из 1909 г., подписанную инициалами Л. В., занимающуюся одним из персонажей *Мёртвых душ* Гоголя – *Что значит фамилия Тентетников* (Калинкин 2016: 19).

[1] По словам Н. В. Подольской *оним* определяется как слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации (Подольская 1988: 91)

[2] Название, используемое В. М. Калинкиным (Калинкин 2016: 18)

Первый шаг к систематизированному изучению имён собственных в художественной литературе сделал В. Н. Михайлов в 1956 г. своей диссертацией (Михайлов 1955), посвящённой проблеме словообразования имён. Пришлось ждать до 1986 г., когда Ю. В. Карпенко в своих публикациях (Карпенко 1986) впервые определил специфику онимов в художественной литературе.

В. М. Калинкин, статьи которого в основном были использованы для теоретической части этой работы, сделал попытку создать теорию литературной ономастики и расширить уже упомянутую специфику онимов в художественной литературе Карпенко. По его мнению него, «предмет поэтической ономастики представляют вовсе не собственные имена как таковые, а их специфическая трансформация - поэтонимы» (Калинкин 2016: 21). Очень важно подчеркнуть основную разницу между поэтонимами и онимами, а она состоит в том, «что поэтонимами обозначают не реальные, а существующие в творящем сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей идеальные образы вымышленных или реальных объектов, названных собственными именами» (там же: 22). Даже и когда поэтоним в художественном произведении обозначает реальное лицо или объект, они являются только предметом вымысла (там же).

3. Роль имён собственных в художественной литературе

После того, как мы определили особенности имён собственных в художественной литературе, приходится также представить разные способы их влияния на художественный произведение, т.е. способы его обогащения через уровень собственных имён. Это В. М. Калинкин и определяет как одну из главных целей поэтонимологии как научной дисциплины (там же: 24).

Имена собственные непременно являются важным аспектом литературного произведения. Литературовед А. С. Бушмин в своей работе 1971 г. говорит, что имя в художественном произведении не выступает только как знак различия, но и «выполняет функции индивидуально-эмоциональной, психологической, типологической, социальной характеристики действующего лица» (Бушмин 1971: 86). При этом тоже добавляет, что имя персонажа представляет собой «существенный семантический и эмоционально-экспрессивный элемент в целостной структуре литературного произведения» (там же). П. Флоренский говорит, что «в художестве – внутренняя необходимость имён – порядка не меньшего, нежели таковая же

именуемых образов. Эти образы, впрочем, суть не иное что, как имена в развёрнутом виде» (Флоренский 2000: 181).

Имена персонажей создают разные дополнительные эффекты в произведении. В. В. Вейдле подчёркивает их звуковой эффект, говоря, что «у имени не просто "лексическая окраска", как у любого слова: у него звук, необычный звук, и мир, откуда, для нас, этот звук звучит» (Вейдле 2002: 41).

Имена персонажей в художественном произведении могут также образовать определённую систему, на основе которой строится потом дополнительный его смысл. Такой пример обнаруживаем в *Евгении Онегине* А. С. Пушкина[3].

К поэтонимам можем подойти и со стороны пространственно-временного уровня произведения, т.е. имена в произведении можем, в определённом смысле, считать частью его хронотопа[4], «как определённый и образный показатель времени и места» (Ковалёв 2016: 21).

К именам в произведении можем относится, как к определённой социальной или исторической системе, учитывая конечно, что мир произведения является вымыслом и представляет чисто фиктивный образ, не связанный с реальными социальными и историческими системами.

4. Гоголевские имена

Творчество Гоголя является очень сложным, если берём во внимание множество приёмов, которыми писатель пользуется для создания комического, сатирического, иронического и других эффектов. Неотъемлемой частью гоголевского арсенала творческих приёмов можно считать и собственные имена персонажей. Гоголь с самого начала своего творческого пути большое внимание уделял подборе имён, пытаясь создать особый звуковой эффект, который обогащает комический уровень его произведений.

---

[3] «Фамилия *Онегин* для А.С. Пушкина была хороша тем, что она входила в цикл имен с амфибрахическим ритмом: *Татьяна, Владимир, Евгений.* Такой тип имен создает в тексте дополнительную именную (почти неощутимую) рифму. Имя *Дубровского* - *Владимир* - было дано Пушкиным из-за его тяги к амфибрахическим именам, поэтично укладывающимся в систему русского словоизменения, ср., с одной стороны: *Владимир Дубровский, Кирша Петрович, Шабашкин;* с другой, хоть в именительном падеже и *Андрей, Дефорж, Архип, Антон* (то есть ямбическая структура), но в остальных падежах (а их употреблений гораздо больше!) все равно оказывается амфибрахий: *Андрея, Дефоржа, Архипу, Антоном* и т.п.» (Ковалёв 2016: 21)

[4] Бахтин говорит, что приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп. (Бахтин 1975: 122)

В. Д. Денисов в своей статье, в которой анализирует гоголевскую «философию имени» в его раннем творчестве говорит: «Наделяя героя тем или иным именем, Гоголь учитывал фонетическую и семантическую структуру онима, его прямое и коннотативное значения, их противоречия, смысловые связи, паронимические созвучия, реже – его распространённость, принадлежность тому или иному сословию» (Денисов 2008: 18). Через имена его персонажей, читатель образует характер самого персонажа, рисуя его в своём сознании. Ю. В. Кондакова подчёркивает эту мысль, говоря, что «в творчестве Гоголя имена приобретают статус категорий познания личности […] Гоголевские имена являются неким „заглавием“ внутреннего мира персонажей, что в сочетании со спецификой их характера определяет сущность героев» (Кондакова 2008: 296). Кондакова также упоминает, что «имя со символическим значением играет роль пронизанного творческой энергией микрокосма, который определяет весь макрокосм произведения» (Кондакова 2007: 162).

Старательный подбор имён свидетельствует о большом увлечении Гоголя разными способами их разыскивания и образования, о чём несколько слов можно найти в статье Б. М. Эйхенбаума. *Как сделана «Шинель» Гоголя* (Эйхенбаум 1918: 3):

О фамилиях у Гоголя сообщает еще О. Н. Смирнова: «Он отдавал необычайно много внимания именам своих действующих лиц; он разыскивал их повсюду; они стали типичными; он находил их на объявлениях (фамилия героя Чичикова в 1 томе была найдена на доме — прежде не ставили номеров, а только фамилию владельца), на вывесках; приступая ко второму тому „Мёртвых Душ“, он нашёл фамилию генерала Бетрищева в книге на почтовой станции и говорил одному из своих друзей, что при виде этой фамилии ему явились фигура и седые усы генерала».

5. Анализ имён персонажей в *Мёртвых душах*

Отношение Гоголя к роли собственных имён в его творчестве менялось. В ранних, «малороссийских» произведениях, как отмечает В. Д. Денисов, фамилии и прозвища персонажей обозначали их национальную и родовую принадлежность (Денисов 2008: 13) или сближали их с фольклорной, народной традицией и её характеристиками[5].

[5] «Заметим, что у имён Черевик, Хавронья, Параска, Цыбуля (укр. „лук“), маркирующих простонародное происхождение героев, есть не только собственное, но и сниженное нарицательное (вещественное, растительное, животное) значение […] Оно сближает героев с такими национальными «ярморочными» типами, как «перекупка, кум, пан, цыган, москаль…» - персонажами вертепа, украинского народного театра, традиционные черты которых явно выражены у гоголевских героев» (Денисов 2008: 15).

Однако, в позднем этапе своего творчества, Гоголь обращается к сказу, о чём говорит Эйхенбаум в своей вышеупомянутой статье. Он подчёркивает, что в гоголевских произведениях того периода рассказчик выдвигает себя на первый план, и «главная комическая роль отводится каламбурам, которые то ограничиваются простой игрой слов, то развиваются в небольшие анекдоты» (Эйхенбаум 1918: 2). При этом, Эйхенбаум ещё подчёркивает, что сказ у Гоголя является воспроизводящим, т.е. рассказчик пользуется особыми комическими артикуляциями, звуковыми каламбурами, прихотливыми синтаксическими расположениями и т.п., причём его сказ приобретает характер игры (там же). Таким образом, в Мёртвых душах на первый план выдвигается разработка комических ситуаций не с помощью сюжета, который слагается «путём простого наращивания отдельных сцен, объединенных только поездками Чичикова» (там же), а с помощью сказа, т.е. артикуляции и её акустического эффекта. Очень важным для *Мёртвых душ* является поэтому звуковая семантика: «звуковая оболочка слова, его акустическая характеристика становится в речи Гоголя значимой независимо от логического или вещественного значения» (там же: 3). Хороший пример такого использования акустической характеристики слов наблюдается в *Шинели* Гоголя, при описании Акакия Акакиевича: «Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморроидальным...» (Гоголь 2002: 63). Тщательным подбором слов, совпадающих по окончанию, создаётся нарастающий ритм, а потом окончательным словом, которое формой выделяется из ряда, этот ритм обривается, что создаёт особый комический эффект, который исходит не из значения слов, а именно из их звучания. Имена являются идеальным полем для разработки такой артикуляционной игры. Обратимся к некоторым способам, которыми рассказчик в *Мёртвых душах* пользуется, чтобы через уровень имён создать звуковой эффект. Потом проанализируем имена на более глубоком символическом уровне и увидим, как они вписываются в тему крепостничества. В конце анализа рассмотрим имена на стыке жизни и смерти и попытаемся в именах найти ответ, кто действительно является мёртвой, а кто живой душой.

5.1. «Заумные имена» в *Мёртвых душах*

Со самого начала своего творчества Гоголь любил пользоваться необычными именами и комбинациями имён и фамилий. В «малороссийских» произведениях появляются Пупопуз, Голопуз, Довгочхун, Голопупенко, Свербыгуз, Крутотрыщенко и подобные, но такие имена встречаются и позже, напр. Яичница в *Женитьбе*. Такие имена обладают потенциалом для звукового воздействия, т.е. комизма. В *Мёртвых душах* достаточно много таких примеров. Интересными являются, например, имена помещика Свиньина или сына помещика Манилова – Фемистоклюса[6], но и имя города Тьфуславля. Однако, более интересными являются комбинации необычных имён или фамилий с обычными, т.е. однообразными. Именно в этой резкой разнице при подборе имён и заключается весь комизм. В *Мёртвых душах* таковы примеры больше всего встречаются среди крестьянских именах: Пётр Савельев Неуважай-Корыто, Иван Колесо, Григорий Доезжай-не-доедешь, Елизавета Воробей, Никита Волокита, Антон Волокита. К остальным примерам могли бы отнести и имена жителей города Сысоя Пафнутьевича и Макдональда Карловича, в котором связывается достаточно распространённая фамилия со совсем нерусским именем.

5.2. Приём «экспрессивного умножения»

Использование необычных имён персонажей и их сочетаний с фамилиями и отчествами не представляет единственный способ создания звукового комизма в *Мёртвых душах*. Рассказчик пользуется и более сложными приёмами, одним из которых является «экспрессивное умножение», которое Н. И. Зубов, ссылаясь на Л. И. Ермину (Еремина 1987: 16), определяет как повторение определённой языковой единицы, как например лексических поворотов, двойной суффиксации и т.п., с помощью которого обогащается изобразительность текста как «образно-речевого целого» (Зубов 1988: 2). Этот приём Гоголь неоднократно использует в своих произведениях. Выделим только пример Акакия Акакиевича в *Шинели*. В *Мёртвых душах* находим большое число имён, образованных именно таким способом. Зубов такие имена объединил в несколько групп, зависимо от признака, который в них повторяется.

Достаточно много примеров имён «с перекличкой смежных персонажей» (там же: 3). Такие тесно связанные имена двух персонажей относятся к традиции лубка – вида

[6] Это имя является искажением древнегреческого имени Фемистокл (др.-греч. Θεμιστοκλῆς) — афинский государственный деятель, один из «отцов-основателей» афинской демократии, полководец периода Греко-персидских войн.

простого народного изобразительного искусства. Частым мотивом лубка были зеркальные герои Фома и Ерёма, которые появляются в древнерусской литературе и фольклоре. Ярким примером зеркальных героев в творчестве Гоголя являются Бобчинксий и Добчинский в *Ревизоре*. В *Мёртвых душах* к ним относятся дядя Миняй и дядя Митяй, затем священники у помещика Плюшкина – отец Карп и отец Поликарп, сыновья помещика Петуха, к которым он обращается с Николаша и Алексаша, и отец и сын – Кифа Мокиевич и Мокий Кифович, в чьих именах наблюдается своего рода инверсия.

В именах с «различными случаями звукописи» (там же: 4) Зубов различает несколько групп: имена, в которых повторяются определённые звуковые комплексы, имена в которых появляется аллитерация и ассонанс, и имена, в которых наблюдается анафора. К первой группе можем отнести такие фамилии в *Мёртвых душах*, как Чичиков, Перепендев, Шамшарев, Тентетников и Пётр Петрович Петух. Петра Петровича Петуха можем ещё отнести и к группе имён, в которых наблюдается анафора, хотя так называемых «удвоенных имён», в которых имя повторяется и в отчестве наблюдается ещё целый ряд, но к ним обратимся ниже. С другой стороны, в имени Никиты Волокиты наблюдается эпифора. Некоторые имена можем определить и как примеры аллитерации – снова Пётр Петрович Петух, Чичиков и Тентетников.

5.2.1. «Удвоенные имена» в *Мёртвых душах*

Как уже отмечено выше, в *Мёртвых душах* достаточно много примеров повторений имени в отчестве. Кроме звукового воздействия таких имён, в них наблюдается и дополнительная коннотация, которую упоминает Ю. В. Кондакова. Она говорит, что такие имена являются попыткой «стереть грани между миром реальным и миром потусторонним, родовым, отраженным в сознании человека» (Кондакова 2007: 159). Кондакова также подчёркивает, что такие имена нередко являются признаком пошлости их носителей, говоря, что «эти имена выявляют духовную опустошенность своих владельцев, омертвление их душ. Смешиваясь с себе подобными, такие имена демонстрируют преемственность, передачу из поколения в поколение духа срединности» (там же). Примеры таких имён в *Мёртвых душах* – Федосей Федосеевич, Пётр Петрович Петух, Пётр Петрович Самойлов, Ринальд Ринальдин, Федор Федорович Леницын, Федор Федорович Перекроев, Илья Ильич, Семён Семёнович Хлобуев.

5.3. Главный герой и его имя

К имени главного героя *Мёртвых душ* Павла Ивановича Чичикова можно подойти с несколько сторон. Сначала приведём интерпретацию С. А. Шульца, который фамилию Чичикова смотрит как «птичью». Шульц говорит, что фамилия Чичиков является сниженной, и что удвоение слога *чи* представляет собой воробьиное чирканье, т.е. птичье щебетание вообще (Щульц 2015: 215). Однако, он такую конструкцию его имени сравнивает с фамилией самого автора – Гоголя, так, как и он обладает своего рода птичьей фамилией, образованной из удвоенного слога *го*. Шульц утверждает, что «Чичиков становится своеобразной проекцией образа автора, его собственных „внутренних чудовищ“, долженствующих обратиться в нечто иное» (там же). Чичиков в некотором смысле и переходит через путь обращения, о чём пойдёт речь ниже, но какая была гоголевская идея о развитии главного героя поэмы не знаем, так как писатель не закончил планированные три части. Такой подход является интересным, но всё равно совмещает вымышленный мир литературного произведения с реальным, внелитературным.

Н. Г. Наумова более подробно анализирует обозначение главного героя, обращаясь при этом не только к фамилии, но и к отчеству и имени. Наумова подчёркивает, что выбор имени Павел связан с его латинским корнем *Paulus*, что значит маленький. Такое имя является подтверждением его описания в поэме. Чичиков является совершенно усредненным персонажем: «господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтобы слишком молод» (Гоголь 1979: 35). Его имя ставит в разряд «обычных, негероических, рядовых людей» (Наумова 2008: 81). Сам Чичиков даже несколько раз при знакомстве с помещиками и людьми высшего чина проявлял ложную скромность, говоря, что «он незначащий червь мира сего» (Гоголь 1979: 41). Наумова тоже упоминает что имя Павел относится к имени апостола Павла, о чём пойдёт речь ниже. Говоря об отчестве Чичикова, происходящем от имени Иван, Наумова утверждает, что имя Иван «как типично русское и наиболее распространённое подчёркивает некую типизированность и обобщённость образа, отражающего судьбу русского человека вообще» (там же). Такой выбор наверно не случаен, так как поэмой Гоголь хотел чем лучше отразить русскую действительность своего времени, а именно Чичиков своими похождениями должен был читателя познакомить с этой действительностью. К фамилии Чичиков Наумова подошла и с фонетической стороны, пользуясь «Таблицей фонетической значимости звукобукв», разработанной А. П. Журавлевым (Журавлев 1991: 158).

Следовательно, пришла к выводу, что фамилия Чичиков «создаёт образ чего-то маленького, слабого и неприятного» (там же), что соответствует вышеупомянутой интерпретации имени Павел. Следуя за историей самого Чичикова, можно считать, что в определённом смысле у него действительно наблюдается «комплекс маленького». Чичиков всю жизнь пытается стать большим помещиком, миллионщиком, значительным лицом. Единственным его способом, однако, является «копить копейку», что всегда заканчивается провалом, и Чичиков остаётся маленьким и незначительным.

К звуковому образу фамилии Чичиков тоже обращается и Ю. В. Кондакова. И она подчёркивает характерное для Гоголя удвоение слогов (и возможную аналогию с фамилией самого автора), что «намекает на двойственную природу героя, на повторяемость и постоянство» (Кондакова 2007: 162). Кондакова утверждает, что фамилия Чичиков, возникшая в «итальянском» контексте, так как в период с 1832 по 1842 г. Гоголь, пребывая в Риме, писал *Мёртвые души*, намекает тоже на телесное, плотское начало героя (там же: 163), о чём свидетельствует перевод итальянских слов ciccia (чичча) - тело, телеса (разг.) и ciccione (чиччонэ) - толстяк (разг.)

Однако, больше внимания Кондакова уделяет имени Чичикова – Павел, считая, что оно при всей его греховности указывает на возможность возрождения (там же: 162). П. Флоренский в своих сочинениях, посвящённым именам, утверждает, что имя «есть четырёхмерная временно-пространственная форма личности, ограничивающая её од головы до пят, от правого плеча до левого, од груди до спины и от рождения до могилы» (Флоренский 2000; 184). Таким образом, судьба самого известного Павла – библейского, отражается частично и на судьбе гоголевского Павла Чичикова. История о Павле рассказана в Деяниях святых апостолов. Библия о Павле, т.е. Савле говорит, что Савл первоначально был гонителем христианской веры, даже стоял во главе преследователей её поклонников. Однако, после того как ослепил и ему открылся Иисус Христос, стал молится. В конце, после чудесного исцеления, раскаявшись, принял христианскую веру и новое имя – Павел, и стал одним из главных её проповедников. Образ раскаявшегося Павла и Павла Ивановича Чичикова во многом совпадают. Во второй части *Мёртвых душ* имеется отрывок, который на это намекает: «И может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что повернет в прах и на колени человека перед мудростью небес» (Гоголь 1979: 258). Флоренский, говоря о покровительстве святых, подчёркивает, что «тут говорится о несравненно более своеобразном

избирательном сродстве со святым, чьё имя носишь, о покровительстве именно этого святого и о подражании не вообще святым, а именно этому, определённому» (Флоренский 2000: 188). Чичиков, как и Савл, всю жизнь жил в грехе, бывши уверенным, что материальные ценности являются самыми главными в жизни. Однако, в конце второй неоконченной части поэмы, когда Чичиков оказывается в тюрьме и весь его труд провалился, появляется Муразов[7] и говорит ему: «Что ни говорите, ведь от души зависит тело […] Подумайте не о мёртвых душах, а о своей живой душе, да и с богом на другую дорогу» (Гоголь 1979: 388). После этого, Чичиков задумывается и начинает раскаиваться, даже обещает сам себе жить честной жизнью и тяжело работать. Однако, полное перерождение, как у апостола Павла, у Чичикова не случилось. После того, как Самосвистов объявил новости о скором решении его дела, Чичиков уже начал думать о преимуществах своей разгульной жизни: «уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: вечером театр, плясунья, за которою он волочился. Деревня и тишина стали бледней, город и шум – опять ярче, ясней…» (там же: 382). Этим подтверждается мысль Флоренского, что «с данным именем можно быть святым, можно быть обывателем, а можно – и негодяем, даже извергом» (Флоренский 2000: 225). Конечно, рукопись второй части *Мёртвых душ* является неоконченной, а третью часть Гоголь никогда и не начал. Поэтому, полное сравнение нам нельзя провести.

5.4. Крепостное право через призму имён

В 1835 г. Гоголь в письме Пушкину (Пушкин 1949: 54) пишет, что ему в *Мёртвых душах* хочется «показать хотя с одного боку всю Русь». Проблема крепостного права во время писания поэмы была очень актуальна, что отразилось в *Мёртвых душах* как один из главных мотивов. На глубинном уровне можем этот мотив проследить и в именах персонажей, в способах их изложения и введения в текст.

В первой части *Мёртвых душ* в общем упоминаются 23 помещика, если помещиком считать и главного героя Чичикова. В неоконченной второй части прибавлено ещё 11 помещиков. Упомянутых крестьян, слуг и остальной дворни в первой части несколько больше – 34 души, с добавлением 10 душ из второй части. Однако, некоторые из них являются мёртвыми, а некоторые активно участвуют в действии. С именами данных персонажей встречаемся разными способами – через имя, отчество и фамилию, через

[7] Чичиков прислушивается к советам Муразова, имя которого представляет собой анаграмму: Муразов – Разумов (Кондакова 2009: 212)

прозвище, только через имя… После анализа способов их изложения действительно наблюдается разница между сословиями. С помещиками знакомимся очень часто через их имя, отчество и фамилию: «Коробочка, коллежская секретарша. – Покорнейше благодарю. А имя и отчество? – Настасья Петровна» (Гоголь 1979: 75). Также и в случае Чичикова: «Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям» (там же: 38). Особенно это выражено во второй, неоконченной части *Мёртвых душ*, где сразу узнаём имя, отчество и фамилию помещиков Тентетникова, Петуха, Платонова, Костанжогла и Ханасаровой. П. Флоренский говорит, что «отчество подчёркивает в имени духовную связь с отцом, фамилия – с родом» (Флоренский 2000: 229). Это конечно не значит, что у других сословий этой связи нет. В Мёртвых душах виден контраст между обращением к помещикам, к которим в большинстве случаев обращаются по имени, отчеству и фамилии, и обращении к крестьянам и слугам, которое ограничено только на имя, прозвище или фамилию. Помещики намеренно подчёркивают свою фамилию и отчество, чтобы ставить ударение на своё происхождение, свою «голубую кровь», в некотором смысле свою исключительность. Нужно всем знать, что это именно этот Павел, именно эта Настасья. На данных примерах видна тоже и важность чина при представлении.

С другой стороны, имена слуг и крестьян совсем иначе представлены. Легко заметить, что среди них преобладают формы собственных имён, которые нередко являются уменьшительными и ласкательными, а к ним обращаются и по прозвищам, фамилиям, и отчествам. Примеры уменьшительно-ласкательных форм – Петрушка, Павлушка, Акулька, Прошка, Андрюшка, Параша, Машка, Антошка, Кирюшка. По имени знакомимся со Селифаном, Фетиньей, Пелагеей, Порфирием, Маврой, Капитолиной, Вахрамеем, Михайлом, Григорием, Эмельяном и другими слугами и крестьянами. Некоторые примеры с фамилиями или отчествами – Михеев, Милушкин, Парамонов, Пименов, Пантелеймонов, Попов, Перфильевна. Сам рассказчик при описании Петрушки и Селифана с иронией говорит, что «автор весьма совестится занимать так долго читателей людьми низкого класса, зная по опыту, как неохотно они знакомятся с низкими сословиями» (Гоголь 1979: 47). Следовательно, поэтонимы низких сословий ограничены на одно слово в большинстве случаев – либо имя, либо прозвище, либо отчество или фамилию. Они представлены как «одни из многих», не надо подчёркивать их исключительность. Также, очень важным является способ введения этих персонажей в действие – кто произносит их имя. В большинстве случаев это именно их владельцы – помещики. Они зовут, кричат, произносят их имена.

Коробочка зовёт: «Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню» (там же: 71). Ноздрев в бешенстве кричит: «Порфирий, Павлушка!» (там же: 109). Плюшкин кричит мальчика: «Эй. Прошка!» (там же: 144) и т.д. Таким способом подчёркнута власть помещиков над своими душами, они произносят их имена – они их оживляют, они их сотворяют. Однако, некоторые крестьяне представлены и именем, и фамилией, даже отчеством. Но интересным является то, что все их имена – написаны. Об этом речь пойдёт ниже. Что касается помещиков, их «оживляет» либо рассказчик, либо другие помещики, никогда крестьяне.

Отношение помещиков к именам крестьян и слуг можно увидеть и через разговор Ноздрева с Чичиковым: «Эй, Вахрамей, послушай! – Да не Вахрамей, а Петрушка. – Как же? да у тебя ведь прежде был Вахрамей. – Никакого не было у меня Вахрамея. – Да точно, это у Деребина Вахрамей» (там же: 230). Видно, что Ноздреву слуга Чичикова является только одним из многих простых людей, чьё имя не является важным.

Отношение к прозвищам между помещиками и крестьянами тоже различается. Во второй части *Мёртвых душ* рассказчик, рассказывая о Петру Петровичу Петуху, говорит: «Названья эти хозяин давал только потому, что без прозвищ как-то выходило пресно, а он пресного не любил; сам был добр душой, но словцо любил пряное» (там же: 314). Помещикам позволено давать своим слугам и крестьянам прозвища, даже и насмешливые и бранные. С крестьянами дело стоит иначе. Это видно в ситуации с прозвищем Плюшкина: «А! заплатанной, заплатанной! – вскрикнул мужик. Было им прибавлено и существительное к слову заплатанной, очень удачное, но неупотребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим» (там же: 130). Простым мужикам рассказчик не позволяет издеваться над помещиками.

5.5. Жизнь и смерть на бумаге

Как уже упомянуто, с именами многих крестьян встречаемся на бумаге. Собирая мёртвых душ, Чичиков старается упорядочить все их имена, делая списки и переписывая списки помещиков. Первый раз с таким списком встречаемся при переписывании Чичиковым крестьян помещицы Коробочки: «Некоторые крестьяне несколько изумили его своими фамилиями […] Особенно поразил его какой-то Пётр Савельев Неуважай-Корыто […] Другой имел прицепленный к имени „Коровий кирпич“, иной оказался просто: Колесо Иван» (там же: 81). Позже Собакевич тоже переписывает своих душ: «Собакевич согласился охотно и тут же, подошёл к бюро,

собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с означением похвальных качеств» (там же: 127). Последний своих душ прибавляет и Плюшкин: «Наконец вытащил бумажку, всю исписанную кругом. Крестьянские имена усыпали её тесно, как мошки. Были там всякие: и Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже выглянул какой-то Григорий Доезжай-не-доедешь» (там же: 146). Сразу видно, что написанные имена более развёрнутые, появляются и фамилии, и отчества. Флоренский говорит, что «в литературном творчестве имена суть категории познания личности» (Флоренский 2000: 184). О крестьянских судьбах в поэме не знаем почти ничего, если сопоставить их с помещиками, но именно с появления их имён на бумаге начинают образоваться их личности. В народном творчестве, по словам Флоренского (там же) именем определяется не только психологический склад и поведение персонажа, но и жизненная судьба и поведение. Коротко говоря, краткой формулой личности является имя.

Итак, получив свои имена на бумаге, мёртвые крестьянские души начинают рисоваться в сознании Чичикова и самого читателя: «Когда взглянул он потом на эти листики, на мужиков, которые, точно, были когда-то мужиками […] то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладело им. Каждая из записочек как будто имела какой-то особенный характер, и чрез то как будто бы самые мужики получили свой собственный характер» (Гоголь 1979: 155). Задумываясь над списком, Чичиков создаёт целые жизненные пути приобретённых душ, складывает анекдоты из их жизни, развёртывает перед читателем их характер. П. Антокольский во вступительной статье к поэме пишет: «Впервые в поэме встают во весь человеческий рост самые живые люди, и, как на грех, они-то мёртвые! Мёртвые поменялись местами с живыми» (Антокольский 1979: 23). Через свои имена, мёртвые крестьяне получили новую жизнь, но кто её потерял? Ответ на этот вопрос находится в самом начале поэмы, когда главный герой после приезда в гостиницу пишет сообщение в полицию: «он [Чичиков] написал на лоскутке бумажки, по просьбе трактирного слуги, чин, имя и фамилию для сообщения куда следует, в полицию» (Гоголь 1979: 38). На бумажке, конечно, было написано имя Чичикова, с прибавлением одной ложи – статуса помещика. Таким способом, Чичиков, стараясь определить свою судьбу добавлением его к имени, становиться в самом деле первой мёртвой душой. Итак, имена, написанные на бумаге, являются своего рода проходом между миром живых и мёртвых. Судьба Чичикова была уже сохранена в его имени, а он, стараясь её изменить добавлением слова

«помещик», убил настоящего Чичикова. С другой стороны, читая имена умерших душ, Чичиков оживил в своём сознании их суть – показал их жизненный путь.

6. Заключение

После анализа имён персонажей, т.е. поэтонимов, как их называет В. М. Калинкин, в *Мёртвых душах* Гоголя, видно, что к именам можно подойти с разных сторон – фонетической, исторической, этимологической, содержательной, символической и др. Это свидетельствует о том, что подбор имён в художественных произведениях, в том числе и в произведениях Гоголя, является далеко не случайным. Собственные имена могут образовать сложную систему, которая обогащает произведение и даёт ему новый, дополнительный смысл. В случае Гоголя, как видно из примеров, это на одном уровне относится к звуковому воздействию, так как воспроизводящий сказ является одним из основополагающих приёмов создания комического эффекта в *Мёртвых душах*. Также к именам в поэме можно подойти и на содержательном уровне, обращаясь к теме крепостного права в России, а символически, их можно интерпретировать как один из способов выделения контраста между жизнью и смертью в поэме. Анализированные нами имена и категории их объединения являются только частью всего фонда собственных имён в поэме Гоголя. Потенциал для исследования гоголевской поэтонимологии поэтому является очень большим, если учитывать, что со самого начала своего творчества Гоголь уделял большое внимание именам своих персонажей.

7. Список источников и литературы

- Антокольский, П. (1979) *Мёртвые души. Поэма*, в: Гоголь, Н. В. *Мёртвые души*. Москва: Художественная литература. с. 3-31.
- Бахтин, М. М. (1975) *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*. Режим доступа: http://philolog.petrsu.ru/filolog/lit/bahhron.pdf (13.7.2019.)
- Белинский, В. Г. (1948) *Собрание сочинений: в 3 т*. Москва: ОГИЗ
- Бушмин, А. С. (1971) *Имя литературного героя*, в: *Страницы истории русской литературы: К 80-летию чл.-кор. АН СССР Н. Ф. Бельчикова*. Москва. с. 86—91.
- Вейдле, В. В. (2002) *Эмбриология поэзии*. Москва: Языки славянской культуры
- Гоголь, Н. В. (1979) *Мёртвые души*. Москва: Художественная литература
- Гоголь, Н. В. (2002) *Повести*. Москва: Im Verden-Werlag
- Гоголь, Н. В. *Письмо Пушкину А. С., 7 октября 1835 г. Петербург*, в: Пушкин, А. С. (1949) *Полное собрание сочинений: В 16 т*. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР. с. 54.
- Денисов, В. Д. (2008) *«Философия имени» в гоголевской прозе 1831 года*, в: *Русская речь*. Москва: Российская академия наук. №6/2008, с. 12-19.
- *Деяния святых апостолов*, в: (1998) *Новая женевская чебная Библия. Синодальный перевод*. Hänssler-Verlag. с. 1452-1502.
- Еремина, Л. И. (1987) *О языке художественной прозы Н. В. Гоголя*. Москва: Наука
- Журавлёв, А. П. (1991) *Звук и смысл*. Москва: Просвещение
- Зубов, Н. И. (1988) *Из наблюдений над экспрессивностью гоголевского антропонимикона*. Режим доступа: http://www.academia.edu/download/32987250/Gogol_Onomasticon.pdf (7.5.2019.)
- Калинкин, В. М. (2006) *От литературной ономастики к поэтонимологии*. Режим доступа: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/39186/12-Kalinkin.pdf?sequence=1 (3.5.2019.)
- Калинкин, В. М. (2016) *Знакомьтесь: поэтонимология*. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/znakomtes-poetonimologiya (3.5.2019.)
- Карпенко, Ю. А. (1986) *Имя собственное в художественной литературе // Onomastica XXXI*. с. 6-22.
- Ковалёв, Г. Ф. (2016) *Аспекты изучения имён собственных в художественных произведениях*. Режим доступа: https://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle/123456789/7531/19-23.pdf?sequence=1 (3.5.2019.)

- Кондакова, Ю. В. (2007) *Сакронимы в творчестве Н. В. Гоголя*. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31766/1/evf_2007_10.pdf (7.5.2019.)
- Кондакова, Ю. В. (2008) *Ономастический код в художественном мире Н. В. Гоголя*. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18472/1/iurg-2009-63-34.pdf (29.4.2019.)
- Кондакова, Ю. В. (2009) *«Мёртвая душеада»: функциональные диады персонажей поэмы Н. В. Гоголя*. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22137/1/dc1-2008-32.pdf (29.4.2019.)
- Михайлов, В. Н. (1955) *Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование: дис. … канд. филол. наук*. Симферополь
- Наумова, Н. Г. (2008) *Номинативные единицы, обозначающие Чичикова, как средство создания образа персонажа (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»)*. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/nominativnye-edinitsy-oboznachayuschie-chichikova-kak-sredstvo-sozdaniya-obraza-personazha-na-materiale-poemy-n-v-gogolya-mertvye-dushi (7.5.2019.)
- Подольская, Н. В. (1988) *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука
- Флоренский, П. (2000) *Имена. Метафизика имён в историческом освещении. Имя и личность*, в: Флоренский. П. *Сочинения в 4-х томах. Том 3(2)*. Москва: Издательство «Мысль». с. 169-359.
- Шульц, С. А. (2015) *«Птичье имя» в онтологической мифосимволике «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя*. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36478/1/iurg-2015-145-19.pdf (29.4.2019.)
- Эйхенбаум, Б. М. (1918) *Как сделана «Шинель» Гоголя*. Режим доступа: http://opojaz.ru/manifests/kaksdelana.html (7.5.2019.)

8. Sažetak:

Najopširnije djelo Nikolaja Vasil'eviča Gogolja – poema *Mrtve duše* donosi sveobuhvatnu kritičku sliku Rusije devetnaestog stoljeća. U ovom radu predstavljena su osobna imena likova i način na koji ona obogaćuje tu sliku. Simbolički smo pristupili k imenima na razini feudalizma i veze života i smrti. S druge strane, veoma važna za Gogoljevo stvaralaštvo je i zvukovna razina djela, njegov skaz, koji je također našao svoj odraz u imenima seljaka, sluga, zemljoposjednika i činovnika iz *Mrtvih duša*. Jedan od njih svakako je i glavni lik – Pavel Ivanovič Čičikov, čije ime krije mnoštvo interpretacija. Najviše pozornosti u ovom radu posvećeno je poveznici između Pavla Čičikova i drugog Pavla – onog biblijskog. Zaključak je da imena likova, tj. *poetonimi*, kako ih naziva V. M. Kal'inkin, predstavljaju važan aspekt Gogoljevog stvaralaštva i dodatno obogaćuju njegova djela na mnogim razinama, od simboličke do akustičke, o čemu svjedoči i analiza romana.

Ključne riječi: fiktivna antroponimija, osobna imena, N. V. Gogol', *Mrtve duše*, skaz

Ключевые слова: поэтонимология, собственные имена, Н. В. Гоголь, *Мёртвые души*, сказ

9. Kratki životopis:

Antonio Milovina rođen je 17. svibnja 1997. u Dubrovniku, gdje je proveo djetinjstvo. Opći smjer Gimnazije Dubrovnik pohađao je od 2011. do 2015. godine i završio ga s odličnim uspjehom. Potom upisuje dvopredmetni studij rusistike i polonistike na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu. U svibnju 2018. godine izlaže svoj rad *Элементы ужаса в повести «Вий» Н. В. Гоголя* na studentskoj konferenciji povodom Dana ruskog jezika na Filozofskom fakultetu te sudjeluje i na III. studentskom lingvokulturološkom skupu u organizaciji Katedre za poljski jezik i književnost. Iste godine završava preddiplomski studij poljskog jezika i književnosti. Sedmi semestar svog visokoškolskog obrazovanja proveo je na Erasmus+ razmjeni u Poljskoj, na Sveučilištu Adama Mickiewicza u Poznańu. Osim znanja poljskog i ruskog jezika, odlično vlada i engleskim jezikom te osnovama njemačkog jezika. Član je hrvatske Mense.